

ПИСЬМО В. ЛОССКАГО Н. А. БЕРДЯЕВУ*)

Глубокоуважаемый Николай Александровичъ, на Ваше письмо мнѣ трудно отвѣчать, такъ какъ расхожденіе наше слишкомъ глубокое. Однако, я вполнѣ понимаю Вашу установку, Вы же, считая себя защитникомъ свободы мысли, нашихъ высказываній не хотите ни понять, ни допустить, какъ возможныхъ.

Отрицая начало власти, Вы властью Редактора «Пути», отказываетесь помѣстить на его страницахъ разъясненіе людей, мыслящихъ иначе чѣмъ Вы. Признавая начало власти, мы не настаиваемъ. Однако, не могу не отвѣтить по пунктамъ на Ваши обвиненія.

1) Если статья на Вашу точку зрѣнія, то конечно выраженіе своего критическаго мнѣнія лицу, облеченному властью, есть доносъ. Отсюда слѣдуетъ, что отвѣчая на запросъ Іерарха, мы должны были бы, — чтобы не стать «доносчиками», — уклониться отъ всякаго отвѣта, т. е. признать, что вопросами ученія въ Церкви могутъ заниматься всѣ, кромѣ іерарховъ церкви.

2) Вы говорите, что «харизмы власти вообще не существуютъ». Не знаю, на чемъ Вы основываете это столь рѣшительное утвержденіе. Апостоль Павелъ, несомнѣнно обладавшій даромъ «различенія духовъ», держится иного мнѣнія. Перечисляя харизмы, онъ упоминаетъ и «управленія» (I Кор. 12, 28), обращаясь же къ надѣленнымъ Дарами благодати въ Церкви назидаетъ и «начальствующихъ», которые должны начальствовать «съ усердіемъ» — (Рим. 12, 6-8). Я могъ бы

---

*) Письмо В. Лосскаго ко мнѣ, которое печатаетъ «Путь», есть уже отвѣтъ на мое частное письмо къ нему написанное по поводу моего отказа напечатать в «Пути» документъ фотіевскаго братства еще разъ осуждающій о. С. Булгакова. *Николай Бердяевъ*

привести еще множество свидѣтельствъ, но боюсь, что Вы упрекнете меня въ текстопоклонствѣ и слѣпомъ подчиненіи авторитету, хотя бы и Священнаго Писанія.

Власть, какъ начало порядка, несомнѣнно есть благо. Недаромъ и Устроитель мірового порядка называется Господомъ, откуда именуется всякое господство на небесахъ и на землѣ. Она становится насиліемъ только вслѣдствіе человѣческаго несовершенства и грѣха, черты же «грѣха властвованія» приобрѣтаетъ только если низшее господствуетъ надъ высшимъ, напр., когда государство подчиняетъ себѣ Церковь или іерархи Церкви, забывая о превосходствѣ своей духовной власти, обращаются къ свѣтскимъ насильственнымъ мѣрамъ господствованія («дымное надменіе свѣтской власти», по канонамъ). Порядокъ въ церковной жизни, осуществляемый носителями «харизмы власти», іерархіей, распространяется на всѣ свободныя проявленія Духа, — даже на пророчествованія (I Кор., 14), для которыхъ Апостоль учреждаетъ особыя правила. И здѣсь нѣтъ «угашенія Духа», поскольку самая власть въ Церкви также является харизмой, отъ того же Духа Святаго, которымъ, строясь изъ различныхъ дарованій и служеній «все зданіе слагаясь стройно, возростаетъ въ свѣтлый храмъ въ Господи» (Еф., 2, 21). Внѣ этого богоустановленнаго порядка никогда не проявлялись дѣйствія Святаго Духа — если не считать Его проявленіями беспорядочную духовную жизнь нѣкоторыхъ мистическихъ сектъ, вродѣ средневѣковыхъ «братъевъ свободного духа», или нашихъ хлыстовъ.

3) Отрицать свободу человѣческой мысли или утверждать, что она должна протекать «черезъ административные указы», я думаю не приходило въ голову и Аракчееву; тѣмъ менѣе сознательнымъ членамъ Церкви. Но защита свободы мысли въ Церкви не можетъ принимать формы защиты свободы моей мысли отъ Истины, данной въ полномѣ Церкви Духомъ Святымъ. Мое богословствованіе свободно, но чтобы вполнѣ явилась въ немъ Истина, я долженъ свободно покориться Истинѣ, свободно признать себя несвободнымъ отъ грѣха, тварной ограниченности, самостной замкнутости, испорченности ума. Только перестраивая все свое существо, «совлекаясь себя», обновляя свой умъ, мысля иными законами, ему не свойственными, постоянно превышая себя, можно достигнуть полноты богопостиженія, къ которой призваны всѣ члены Церкви, ибо всѣмъ данъ Духъ Истины. Догматы Церкви имѣютъ прежде всего апофатическій характеръ, воспитывая умъ къ отрѣшенію отъ его обычныхъ законовъ мышленія, свидѣтельствуя о его ограниченности и несовершенствѣ. Это не значитъ, что догматы являются откуда то извнѣ, какъ *Deus ex machina*; это значитъ, что Духъ Святой не только усваиваетъ

Церкви Истину, но также и пути къ ея совершенному, сознательному, творческому постиженію. Но діалектика этого постиженія иная, чѣмъ во всякомъ другомъ творествѣ. Начало ея послушаніе, т. е. признаніе, что Истина не зависитъ отъ моихъ творческихъ усилій, я ничего отъ себя къ ней прибавить не могу; путь — освобожденіе отъ своей ограниченности; достиженіе — тождество моего сознанія и Истины, «умъ Христовъ», т. е. совершенная свобода ума, творящаго или налагающаго догматы силою Святаго Духа, которая становится нашей силой. Здѣсь отсутствуетъ противоположность субъекта и объекта въ постиженіи Истины: «познайте Истину и Истина сдѣлаетъ васъ свободными». Въ этомъ сокровенный «Ватиканскій догматъ» Православія. Я беру на себя смѣлость утверждать, что Ваша «профетическая философія (не касаясь здѣсь ея содержанія) можетъ быть развиваема Вами именно потому, что Вы, какъ сынъ Церкви внутренне ощущаете необходимость этой высочайшей свободы. Однако, путь къ этой свободѣ черезъ свободное послушаніе Истинѣ, черезъ «совлеченіе своего», Вы отрицаете, а потому остаетесь субъектомъ передъ лицомъ внѣшняго объекта (Истины), или же самъ объектъ превращаете въ продуктъ творчества субъекта. Отцы никогда не отстаивали *своего* творчества въ Церкви, но съ великимъ дерзновеніемъ защищали самоочевидную въ Церкви Истину. Не держась «своего», они лично отказывались отъ своихъ ошибокъ, будучи максимально свободными, не защищали *своей* свободы. Защита своей свободы передъ лицомъ высшей свободы въ Церкви была бы защитой своей ограниченности, т. е. своего рабства. Самый вопросъ о защитѣ нашихъ правъ въ Церкви — ложенъ, такъ какъ эти права неограничены.

Противопоставлять себя — Церкви, свою мысль — Истинѣ, значитъ утверждать свое право на заблужденіе. Церковь не отнимаетъ и этого права: безъ *возможности* заблужденія не было бы *свободнаго* послушанія Истинѣ, пути къ высшей свободѣ сыновъ Церкви. Но Она ограждаетъ Истину, отдѣляя ее отъ лжи, осуждаетъ ученія ограничивающія Истину, нарушающія ея апофатическій характеръ, являющійся въ этомъ смыслѣ «соблазномъ», т. е. препятствіемъ къ отрѣшенному постиженію Истины членами Церкви. Къ защитѣ Истины призваны всѣ въ Церкви, но Истина не внѣшній объектъ, сообразно которому каждый долженъ «урѣзывать» свою мысль, а лично данная каждому самоочевидность: не одинъ общій, но множество раздѣльныхъ языковъ пламени сошли въ Пятидесятницу и почтили на каждомъ. Потому каждый членъ Церкви можетъ свидѣтельствовать объ Истинѣ, когда она искажается кѣмъ либо изъ братьевъ. Потому же эта защита самооче-

видной въ Церкви Истины не зависитъ отъ количества («все» или «многіе»), отъ «соборности» въ ложномъ, демократическомъ пониманіи этого слова, но отъ свободнаго согласія *хотя бы нѣкоторыхъ*, гдѣ свидѣтельствомъ непогрѣшимости является единый въ нихъ Духъ Божій, Источникъ самоочевидности Истины *и во вѣсть*. Отсюда неизбежность постепеннаго торжества Истины надъ ложнымъ ученіемъ во всей Церкви.

Защита Истины въ Церкви принадлежитъ всѣмъ, но обязанность этой защиты лежитъ *прежде всего* на епископахъ, харизматическихъ охранителяхъ порядка церковной жизни. Харизма не всегда достаточно культивируется, а потому отдѣльный епископъ можетъ ошибаться и въ сужденіяхъ и въ дѣйствіяхъ. Однако, его права (вѣрнѣе обязанности) судить о дѣлахъ ученія и принимать тѣ или иныя мѣры къ огражденію паствы, никто не можетъ отрицать, хотя всякій (и прежде всего тотъ, кого коснулось осужденіе) можетъ спорить, доказывая несправедливость осужденія, обращаясь, если надо, къ суду всей Церкви. «Репрессія» (если Вы хотите называть это репрессіей) состоитъ въ томъ, что человѣку предлагается свободно рѣшить, по совѣсти убѣдиться, защищаетъ ли онъ только *свою* мысль и *свой* опытъ, или же Истину, опытъ Церкви. Тѣ, кто хотятъ защищать свою мысль, какъ только «свою», и не могутъ отъ нея отказаться, справедливо несутъ отлученіе: Церковь для нихъ не нужна, они предпочли Ей свое достоиніе (еретики). Тѣ, кто имѣютъ внутреннее самосвидѣтельство Истины и возражая на осужденіе отстаиваютъ свои высказыванія, какъ выражающія ученіе Церкви, борются за нихъ, противостоя іерархамъ и соборамъ и, въ концѣ концовъ, неизбежно побѣждаютъ. (Св. Максимъ Исповѣдникъ, Св. Фотій, Св. Григорій Палама и многіе другіе Отцы). Тѣ, кто будучи обличаемы не увѣрены въ истинности своихъ высказываній по тѣмъ или инымъ пунктамъ, — если они подлинно внутренне свободны, легко признаютъ свои ошибки и отъ нихъ отказываются (Св. Дмитрій Ростовскій, по вопросу объ эпиклесисѣ).

Все сказанное столь нормально и очевидно, что становится совершенно непонятнымъ волненія и возмущенія, по поводу осужденія ученія о. С. Булгакова М. Сергіемъ Московскимъ. Могу объяснить это только массовымъ помраченіемъ церковнаго сознанія, утратой внутренней свободы сужденія, «мракобѣсіемъ свободы».

4) Вы считаете, что Ваши взгляды могутъ быть въ большей степени признаны «еретическими», чѣмъ ученіе о. С. Булгакова, что Вы менѣе православны и церковны, чѣмъ онъ. Въ послѣднемъ Вы, можетъ быть, правы. Но именно поэтому Церковь призываетъ къ отвѣту о. С. Булгакова, ибо его богословіе для Нея не безразлично, и можетъ пройти спокойно

мимо Вашихъ, хотя бы и самыхъ крайнихъ высказываній, которыя останутся для Нея не болѣе какъ частнымъ мнѣніемъ. «Кому много дано, съ того много и спросится».

5) Васъ удивило, что въ своемъ письмѣ я высказалъ сочувствіе Вамъ. Напомню, что это сочувствіе и даже почитаніе было отнесено мною лишь къ нѣкоторымъ, точно обозначеннымъ мною сторонамъ Вашего творчества (обличеніе «церковной буржуазности», господства націонализма въ Церкви, отстаиваніе значенія аристократическаго начала, пониманіе К. Леонтьева). Выражая сочувствіе этимъ взглядамъ, я хотѣлъ яснѣе показать Вамъ, что мы (вопреки Вашему убѣжденію) не слѣпые «мракобѣсы», отвергающіе огульно все, что высказываютъ инакомыслящіе, но обладаемъ свободнымъ и непредвзятымъ умомъ. Иной смыслъ въ моемъ выраженіи сочувствія Вамъ трудно найти, хотя Вы, кажется, нашли возможнымъ использовать эти слова, а также и основную интенцію моего письма къ Вамъ, въ крайне неблагоприятномъ для меня смыслѣ. Предвзятость не даетъ мѣста не только христіанскому, но просто справедливому отношенію къ ближнему, тѣмъ болѣе къ противнику. Кто же послѣ этого «еретикъ противъ любви»?

6) Вы пишете, что о. С. Булгаковъ очень больной человекъ и что на него можетъ очень плохо подѣйствовать, «если будетъ продолжаться травля (?) противъ него». Какъ я узналъ на дняхъ, этотъ же аргументъ былъ приведенъ къмъ то М. Сергію. Онъ отвѣтилъ на это, что тѣмъ болѣе надо дать человекъ возможность скорѣе отказаться отъ заблужденій. Конечно, такая точка зрѣнія естественная для христіанина, глубоко чужда обывательски-безбожнымъ представленіямъ о любви.

Вотъ что могу сказать въ заключеніе: если ужъ говорить о «травлѣ», то травля ведется противъ насъ, притомъ посредствомъ самаго уродливаго вида «властвованія», демагогіи, инсинуацій, клеветы и другихъ оружій «общественнаго мнѣнія». Пресса для насъ закрыта. Мы не имѣемъ возможности печатно высказать своихъ убѣжденій, а безъ этого условія всякая борьба противъ насъ будетъ чистымъ насиліемъ, позорнымъ для тѣхъ, кто его употребляетъ. Если Вы отказываетесь напечатать наше «Разъясненіе» въ «Пути», чтобы тѣмъ не содѣйствовать распространенію осужденія о. С. Булгакову, то опубликуйте, по крайней мѣрѣ, нашу переписку: Вашъ отвѣтъ на «разъясненіе» и настоящее мое письмо, въ которомъ вопросъ объ о. С. Булгаковѣ, по существу, не затраги-

вается. Этого требует не только христианская совесть, но просто джентельменское отношеніе къ противнику.

Искренно уважающій Васъ

Владиміръ Лосскій, Б. Ф.

23-го ноября 1935 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Н. А. БЕРДЯЕВУ

Глубокоуважаемый Николай Александровичъ,

Въ третій разъ я берусь за перо, чтобы на этотъ разъ высказаться по поводу Вашей послѣдней статьи «Духъ Великаго Инквизитора» въ № 49-мъ «Пути». Кому-нибудь со стороны можетъ показаться даже смѣшнымъ, что я считаю какъ бы своимъ долгомъ откликаться печатно на каждую Вашу статью

Но сейчасъ, я дѣйствительно не могу молчать. Если я промолчу, то, мнѣ кажется, я своимъ молчаніемъ солидаризуюсь съ Вами въ Вашемъ отзывѣ о Русской іерархіи, о Русской Церкви, о Православіи. А съ этимъ не мирится моя совесть. Если съ другими Вашими статьями я могъ не соглашаться, то послѣдняя Ваша статья меня глубоко оскорбила и возмутила не только своимъ тономъ, отдѣльными выраженіями, но, главнымъ образомъ, Вашимъ отношеніемъ къ Церкви. Я былъ бы очень радъ увидѣть, что я ошибаюсь, что я не понялъ Васъ. Вотъ почему я и пишу Вамъ, въ надеждѣ, что Вы сможете разубѣдить меня. Если я понялъ Васъ не вѣрно, простите меня, но я долженъ сказать Вамъ то, что я думаю и что тяготитъ мою душу.

Вся Ваша статья дышетъ *высокомѣрнымъ пренебреженіемъ* къ Русской Церкви и ея іерархіи, и въ этомъ заключается ея глубоко обидный смыслъ. Если бы Вы сгоряча выбрали того или иного іерарха, или то или иное явленіе въ русской церковной жизни, это не было бы обидно — праведный гнѣвъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, всегда понятенъ и всегда прощителенъ. Но въ Вашей статьѣ звучитъ не праведный гнѣвъ, а *презрѣніе, осужденіе есей* русской іерархіи, *есей* русской Церкви. Вы какъ бы отдѣляете себя отъ Русской Церкви и противопоставляете себя ей въ своей праведности и высотѣ. И у меня невольно возникаетъ вопросъ — съ Церковью ли Вы, или противъ нея? Я былъ бы счастливъ получить отъ Васъ на

этотъ вопросъ ясный и успокоивающій отвѣтъ. Говорятъ, что Вы въ своей статьѣ выступаете поборникомъ праваго дѣла. Но развѣ можно защищать правое дѣло, возводя на другихъ неправду?

Я вспоминаю близкаго Вамъ Ф. М. Достоевскаго. И онъ иногда очень рѣзко говорилъ о Русской Церкви и объ отдѣльныхъ представителяхъ ея клира. Но у него сквозь рѣзкія слова всегда чувствовалась искренняя любовь къ Церкви, *въра въ нее*. Онъ видѣлъ въ ней сердце, весну духовной жизни русскаго народа и признавалъ, что Церковь сохранила въ русскомъ народѣ чистый Ликъ Христовъ во всей его неповрежденности.

Такого отношенія къ Русской Церкви нѣтъ въ Вашей статьѣ.

Я, какъ и Вы, осуждаю указъ м. Сергія, но по другимъ соображеніямъ. Я не раздѣляю Вашего мнѣнія, что *свобода* есть высшая цѣнность.

Высшею цѣнностью жизни является не свобода, а *истина*, ибо только истина обезпечиваетъ подлинную свободу (Іоан. VIII. 32). Кромѣ того, я не нахожу, что церковная іерархія совершаетъ посягательство на свободу, когда указываетъ неправду того или другого богословскаго мнѣнія и предостерегаетъ паству отъ принятія этого мнѣнія. Іерархія не только имѣетъ право, но и обязана охранять чистоту церковнаго ученія и бороться съ его засореніемъ неправильными мнѣніями.

Въ этомъ заключается одна изъ ея основныхъ обязанностей, и эта обязанность неоднократно указана ей и самимъ Іисусомъ Христомъ, и Апостолами. И если бы іерархія перестала говорить, то оказалось бы, что въ Церкви имѣетъ право говорить каждый, только не іерархія.

Неправда м. Сергія не въ томъ заключается, что онъ поднялъ голосъ въ защиту истины, а въ томъ, что онъ заговорилъ о предметѣ, съ которымъ не ознакомился предварительно. Это первое. А вторая его неправда, какъ и неправда Карловацкаго Собора, заключается въ томъ, что они поторопились со своимъ заключеніемъ. Они произнесли судебный приговоръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ необходимо было произвести предварительно всестороннее и благожелательное разсмотрѣніе оспариваемаго вопроса. Вѣдь и самъ авторъ оспариваемыхъ богословскихъ мнѣній не упорствуетъ въ ихъ непогрѣшимости и готовъ выслушать ихъ критику. Какая же была необходимость ставить его въ положеніе подсудимаго и требовать отъ него признанія своей вины и покаянія?!

Однако неправда отдѣльныхъ іерарховъ и есть только ихъ личная неправда, а не неправда всей Русской Церкви, или всего Православія. Между тѣмъ Вы ставите вопросъ о

«возможности мысли въ Православіи», Вы спрашиваете: «Есть ли Православіе религія свободы духа, или инквизиціонный застѣнокъ?» Вы обвиняете всю русскую іерархію въ приписываніи себѣ «непогрѣшимости, превышающей папскую непогрѣшимость». Вы иронизируете, что «нужно быть лавочникомъ или консисторскимъ чиновникомъ», (т. е. человѣкомъ невѣжественнымъ или формалистомъ) для того, чтобы усваивать «тайны Православія», и забываете, что именно «лавочники» не разъ спасали Православіе въ тяжкія эпохи русской церковной исторіи. Вы называете православіе русской іерархіи «рабьей и темной религіей», и противопоставляете ему русскую религіозную мысль конца XIX и начала XX вѣка, безъ которой все русское церковное прошлое представляется Вамъ «пустыней»... Но такъ ли это? Никто, знающій, любящій и цѣнящій Русскую Церковь не назоветъ «пустыней» то прошлое русскаго народа, гдѣ сіяютъ труды и подвиги Кіево-Печерскихъ иноковъ, государственная дѣятельность такихъ князей, какъ св. Александръ Невскій, миссіонерскіе труды Леонтія Ростовскаго, Стефана Пермскаго, или Иннокентія, митрополита Московскаго, дѣятельность Западно-русскихъ братствъ, подвиги Сергіевъ Радонежскихъ, Серафимовъ Саровскихъ, русское старчество XIX вѣка и т. д. Правда, у насъ не было *книжной* религіозной философіи, но мы не были лишены *жизненной* религіозной философіи, *жизненной* религіозной мудрости и своеобразной духовной православной культуры, свѣтившей русскому народу изъ монастырскихъ келій.

Бога, какъ Вы и сами утверждаете въ книгѣ «Я и міръ объектовъ», можно познавать не только научно, объективно, внѣшнимъ образомъ, путемъ разсудочныхъ умозаключеній, но и субъективно, внутреннимъ непосредственнымъ воспріятіемъ, чистымъ сердцемъ и подвигомъ вѣры. Этимъ именно послѣднимъ путемъ преимущественно и познавался Богъ въ Русскомъ Православіи, хотя оно не чуждо было и виѣшняго богопознанія. Весь этотъ многовѣковый періодъ внутренняго познаванія Бога и жизни въ Богѣ для Васъ какъ будто не существуетъ и подлинная религіозная жизнь начинается въ Россіи только съ конца XIX вѣка, съ появленія новой религіозной философіи. Такое Ваше утвержденіе равносильно отрицанію Русской Церкви. Вы упрекаете м. Сергія въ томъ, что онъ односторонне понимаетъ смыслъ Боговоплощенія, рассматривая его исключительно, какъ дѣло спасенія, а не какъ продолжающееся міротвореніе. Христіанская Церковь всегда признавала и признаетъ, что Сынъ Божій сошелъ съ неба на землю «насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія». Самъ Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ пришелъ «взыскать и спасти погибшихъ». Эту истину исповѣдуетъ каж-

дый христіанинъ, приступая къ Св. Чашѣ: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во-истину Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ». Эту радостную для грѣшника истину спасенія Вы называете «утилитарнымъ пониманіемъ христіанства», и утверждаете, что «сведеніе всего христіанскаго міросозерцанія къ сотериологіи даетъ возможность укрѣплять организацію власти». (?) По Вашимъ словамъ «за этимъ скрыты инстинкты господства и власти». Искажая смыслъ глубочайшаго и трогательнѣйшаго догмата Боговоплощенія, Вы этимъ несомнѣнно содѣйствуете разложенію правильнаго пониманія христіанства въ русскомъ обществѣ и въ русской молодежи. Истину великой тайны нашего спасенія черезъ боговоплощеніе Вы подмѣняете теоріей міротворческаго процесса.

Вы ставите въ укоръ м. Сергію и упоминаніе о вѣчныхъ адскихъ мукахъ, ученіе о которыхъ будто бы «всегда было опорой власти, господства и религіозной тираніи». Но вѣдь Вы сами знаете, что ученіе объ адскихъ мукахъ не есть выдумка церковной іерархіи, а совершенно ясныя евангельскія слова (Мф. XXV. 46).

Затѣмъ, Вы переходите къ «основному вопросу объ ортодоксіи и ереси», и говорите, что «эти понятія носятъ соціологическій характеръ. Ортодоксія есть религіозное сознаніе коллектива, и за ней скрыто властвованіе коллектива надъ своими членами. Это есть организованное господство рода надъ индивидуумомъ». Можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ Вы и правы: ортодоксія и ересь получаютъ классовый характеръ и выражаютъ традиціонное мнѣніе господствующаго большинства съ одной стороны, и самостоятельное, свободное сужденіе меньшинства съ другой стороны. «Еретиками» оказываются люди живые, не мирящіеся съ общепринятой бездушнoй рутиной и подвергающіеся за это гоненіямъ. И въ этихъ случаяхъ названіе «еретика» пріобрѣтаетъ даже лестный характеръ, свидѣтельствуя объ оригинальности, независимости и смѣлости человѣка, выступающаго противъ установившейся традиціи.

Однако этотъ смыслъ понятія ортодоксіи и ереси не имѣетъ никакого отношенія къ Православію. Въ Православной Церкви подъ именемъ Православія (которое въ этомъ случаѣ надо отличать отъ термина «ортодоксія») разумѣтся вѣрность чистому, непримѣнному ученію Церкви; подъ именемъ же ереси разумѣтся отступленіе отъ чистоты церковнаго ученія и его искаженіе. И то и другое, т. е. и Православіе и ересь опредѣляются въ Церкви по признаку истины, а не по признаку большинства или меньшинства голосовъ, а также и не по классовому признаку. Поэтому въ исторіи Церкви бывали слу-

чай, когда Православіе представлялось однимъ человѣкомъ (Василіемъ Великимъ, Максимомъ Исповѣдникомъ и др.), а на сторонѣ ереси было подавляющее большинство и сама императорская власть. И все таки Православіе оставалось Православіемъ, т. е. истиной, а ересь оставалась ересью, т. е. ложью.

* * *

Я не могъ не высказать Вамъ всѣхъ этихъ моихъ недоумѣній и вопросовъ, вызванныхъ Вашей послѣдней статьей, и я буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы отвѣтите мнѣ на нихъ также охотно и обстоятельно, какъ Вы и раньше мнѣ отвѣчали, и, главное, отвѣтите на самый мучительный для меня вопросъ — съ Русской ли Вы Церковью, или противъ нея?

Глубокоуважающій Васъ Протоіерей

Сергій Четвериковъ.

1936. 2. III.

ОБЪ АВТОРИТЕТЪ, СВОБОДЪ И ЧЕЛОВѢЧНОСТИ

І. *Отвѣтъ В. Лосскому.*

«Духъ дышетъ, гдѣ хочеть, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ».

отъ Іоанна, гл. 3, 8.

Мы, очевидно, принадлежимъ съ В. Лосскимъ къ совершенно разнымъ духовнымъ мірамъ, боюсь, что даже къ разнымъ религіямъ. Напрасно только онъ думаетъ, что онъ вполне понимаетъ мою установку, я же не хочу понять высказыванія Фотіевскаго братства. Не такъ трудно понять высказыванія очень распространенныя и почитающія себя традиціонными по преимуществу. Непониманіе же моей точки зрѣнія уже видно изъ письма В. Лосскаго. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ понималъ мое отрицаніе харизмы власти въ томъ смыслѣ, что я отрицаю всякое проявленіе власти, въ томъ числѣ и редактора журнала, хотя власть эта очень невелика? Журналъ обыкновенно имѣетъ то или иное идейное направленіе и редакторъ естественно долженъ проявлять власть въ сообразованіи съ этимъ направленіемъ. Но моя редакторская власть приблизительно такая же, какъ моя власть не приглашать къ себѣ въ домъ лицъ почему-либо мнѣ непріятныхъ. Такого рода власть лишена всякаго рода репрессивности. Впрочемъ я думаю, что для защиты свободы иногда нужно примѣнять принужденіе, напр., для предупрежденія побѣды фашизма. Письма къ высшей церковной іерархіи объ еретичности чьихъ либо взглядовъ въ томъ лишь случаѣ не будутъ доносомъ, если іерархи не будутъ уподоблять себя «князьямъ народовъ» и «вельможамъ», т. е. не будутъ имѣть воли къ господству и властвованію, не будутъ начальствомъ, способнымъ примѣнять репрессіи. Но

іерархи церкви очень охотно уподобляютъ себя военному начальству, такъ иногда и говорятъ: «мы генералы» или «мы полковники». Вопросъ о власти основной. В. Лосскій принадлежитъ къ поколѣнію, которое полюбило власть превыше всего. Міръ сейчасъ обожаетъ власть и ненавидитъ свободу. Я отношусь съ презрѣніемъ и гадливостью къ этому рабьему міру и мнѣ нисколько не импонируетъ, если бы большая часть человѣчества стала такой. Да она и всегда была такой. Свобода аристократична и лишь немногіе всегда ее любили и защищали. Я достаточно хорошо знаю, что нашъ падшій міръ не можетъ обойтись безъ власти, совершенное безвластіе возможно лишь въ царствѣ Божьемъ. Но власть совсѣмъ не связаннына, она земного происхожденія и относится къ сферѣ социологии, а не теологіи, она принадлежитъ къ низшей, а не высшей ступени бытія. Совершенно невозможно стало пользоваться цитатами изъ Апостола Павла, въ которыхъ онъ признаетъ божественное происхожденіе власти и требуетъ, чтобы рабы повиновались господамъ, и придавать имъ характеръ божественнаго откровенія. Слова Ап. Павла не вѣчныя истины и совершенно очевидно вызваны историческимъ положеніемъ первохристіанъ въ римской имперіи. Что рабъ долженъ повиноваться господамъ, это «истина» того же рода, какъ «истина» катехизиса митрополита Филарета о священности крѣпостнаго права, которая была выброшена изъ катехизиса послѣ освобожденія крестьянъ. И рѣшительно все сказанное о власти принадлежитъ къ такого рода «истинамъ», слишкомъ человѣческимъ, не божественнымъ. В. Лосскій и его единомышленники, повидимому, совсѣмъ не хотятъ видѣть, что тварная ограниченность и испорченность, на которыхъ они такъ настаиваютъ, поражаетъ и власть и ея носителей. И даже болѣе нужно сказать, къ общей грѣховности человѣческой природы у носителей власти присоединяется еще «грѣхъ власти», «похоть власти». И это происходитъ и въ церкви и въ государствѣ. Представители власти какъ разъ самые подозрительные люди, у которыхъ послѣдствія первороднаго грѣха самоутвержденія, гордыни и воли къ господству удваиваются по ихъ положенію. Этому научаетъ вся всѣмїрная исторія. Власть есть господство человѣка надъ человѣкомъ, неизбежно переходящее въ насиліе и принужденіе. Но духъ не знаетъ господства, духъ есть свобода. Представленіе себѣ Бога устройте-лемъ мірового порядка, монархомъ, властью есть искаженное человѣческое представленіе о Богѣ, явно взятое изъ социальныхъ отношеній людей. Къ Богу не примѣнима категория власти, потому что она слишкомъ низкая для Бога категория, взятая изъ низшихъ сферъ социальной жизни. Богъ не имѣетъ никакой власти, онъ имѣетъ меньше власти, чѣмъ городской.

Богъ обладаетъ силой, а не властью. Сила не есть власть. Власть есть безсиліе. Власть существуетъ потому лишь, что нѣтъ силы овладѣвать душами людей, ихъ преобразать и просвѣтлять. Повидимому, единомышленники и одиночувственники В. Лосскаго смѣшиваютъ гармонію, ладъ съ властью. Но наиболѣе непонятно у нихъ связываніе познанія истины съ властью. Что общаго можетъ имѣть познаніе истины съ властью? Вся исторія учитъ тому, что власть лишь насилowała познаніе и лишь искажала истину. Власть руководствовалась социальными-утилитарными мотивами, интересами поддержанія властвованія, а не познаніемъ истины, которая всегда опасна для порядковъ установленныхъ властью.

В. Лосскій требуетъ покорности, послушанія истинѣ въ противоположность настаиванію на своемъ, на своемъ мнѣніи, на своей лишь истинѣ. При этомъ онъ, повидимому, обвиняетъ о. С. Булгакова въ томъ, что тотъ упорствуетъ въ защитѣ своей истины. Это самое слабое мѣсто въ письмѣ. Всякій настоящій философъ, ученый, всякій человѣкъ познанія отстаиваетъ свое пониманіе истины совсѣмъ не потому, что это пониманіе его, а потому, что онъ убѣжденъ въ истинности этого пониманія. Докажите ему ложность этого пониманія и онъ отъ него откажется. Послушаніе истинѣ для меня абсолютное требованіе познанія, но послушаніе истинѣ, а не начальству, не указамъ и не приказамъ, послушаніе Богу, а не человѣкамъ, не человѣческимъ властямъ. Человѣкъ, который отстаивалъ бы свое пониманіе истины исключительно потому, что оно его, заслуживалъ бы отлученія не только отъ церкви, но и отъ философіи, отъ науки, отъ права познавать. Бороться противъ ложнаго пониманія и примѣненія авторитета въ церкви можно во имя истины, во имя Бога. И весь вопросъ, кто рѣшаетъ, на чьей сторонѣ истина. В. Лосскій и всѣ поклонники авторитета увѣрены, что существуетъ такой непогрѣшимый трибуналъ, который рѣшаетъ, въ чемъ истина и на чьей сторонѣ. Но такого трибунала не существуетъ, объ этомъ свидѣлствуетъ вся исторія, такого непогрѣшимаго трибунала православіе не признаетъ, даже въ католичествѣ признаніе такого трибунала есть порочный кругъ. Гарантій нѣтъ. Въ этомъ тайна христіанской свободы. Патріархи, папы, митрополиты, епископы, синоды, и соборы тысячу разъ ошибались и ихъ сужденія потомъ опорачивались. Сказать же, что непогрѣшимый авторитетъ почиетъ на церкви, какъ цѣломъ, на церковной соборности, и значитъ сказать, что непогрѣшимаго трибунала не существуетъ и что такова природа духа и духовной жизни въ отличіе отъ жизни государствъ, отъ законческаго царства кесаря. Въ письмѣ В. Лосскаго проскальзываетъ непонятное притязаніе на непогрѣшимость отдѣльныхъ

членовъ церкви. Очевидно онъ имѣеть ввиду членовъ Фотіевскаго братства. Но такого рода притязаніе не заслуживаетъ даже опроверженія. Впрочемъ защитники авторитета всегда были такими, они всегда защищали собственную непогрѣшимость. Православная церковь не знаетъ такого ученія, которое давало бы возможность признать непогрѣшимость митрополита Сергія или какого либо митрополита. Истина, именно сущая истина, а не то или иное субъективное мнѣніе, требуетъ свободы для своего раскрытія и внѣ свободы она не открывается людямъ. Внѣ свободы существуетъ лишь полезная ложь, полезная для укрѣпленія той или иной власти ложь. Истинно или ошибочно ученіе о. С. Булгакова о Софіи и кенозисѣ не могутъ рѣшить ни указы митрополита Сергія, въ которые онъ облакаетъ свои спорныя личныя богословскія мнѣнія, ни тѣмъ менѣе письма и заявленія Фотіевскаго братства. И о. С. Булгаковъ не только можетъ, но онъ долженъ бороться за свое пониманіе христіанской истины, онъ имѣеть право отказаться отъ него лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ, свободно убѣдился въ ошибочности этого пониманія. Никто не знаетъ, что церковное сознаніе признаетъ черезъ нѣкоторое время истиннымъ или ложнымъ, можетъ быть мнѣнія современныхъ митрополитовъ или членовъ Фотіевскаго братства будутъ признаны не только ложными, но и еретическими. Для этого было не мало примѣровъ въ исторіи. Нерѣдко церковныя осужденія были потомъ признаны совершенно ошибочными.

Необходимо, наконецъ, возстать противъ того отвратительнаго искаженія идеи свободы, которое позволяютъ себѣ враги свободы. Современный міръ повидимому совсѣмъ потерялъ способность понимать, что такое свобода. Свобода не есть притязаніе и требованіе человѣка, свобода не есть легкость и распушенность жизни. Свобода есть не требованіе предъявленное человѣкомъ Богу, а требованіе предъявленное Богомъ человѣку. Свобода не права, а обязанность. Это Богъ требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ былъ свободенъ духомъ, и Ему ничто не нужно, что не отъ свободы произошло. Человѣкъ же самъ очень легко отказывается отъ свободы и боится свободы, онъ предпочитаетъ рабство, считаетъ его болѣе легкимъ. Свобода не легка, она страшно трудна, она есть бремя, она сурова. Въ современномъ мірѣ люди отказываются отъ свободы и идутъ за авторитетомъ, за диктаторомъ, потому что боятся суровости, тяжести, бремени свободы. Свобода порождаетъ страданіе. И боящіеся страданія отрекаются отъ свободы и отдають себя авторитету и какой угодно тирани. Именно авторитетъ хочетъ создать для людей легкую жизнь, снять бремя, подкупая этимъ людей. И люди совершаютъ пре-

дательство относительно достоинства человека. Именно человек, идущий путем свободы, ничего не может себе позволить, не может распутиться и позволить себе легкую и приятную жизнь. Именно свобода требует самопреодоления, как самопреодоления требует творчество. Творческая свобода есть неустанное трансцендирование человека, перерождение себя, восхождение. Жизнь же под авторитетом и властью потакает слабостям человека, подкупает его, требует не героизма, а послушности. Свобода есть совершеннolьtie человека, жизнь же совершеннolьтнихъ болъе трудная, болъе суровая, болъе отвѣтственная, чѣмъ жизнь дѣтей. Отказъ отъ свободы есть боязнь отвѣтственности, есть желаніе переложить ее съ себя на другихъ. Только рабы понимаютъ свободу, какъ самопопущаніе, какъ слѣдованіе своей низшей природѣ, какъ соблазнъ дѣлать, что хочешь. Люди, сознавшіе достоинство и отвѣтственность человека, понимаютъ свободу, какъ суровое возложеніе на себя отвѣтственности, какъ требованіе самопреодоления и возвышенія, какъ согласіе на страданіе во имя высшаго достоинства человека, какъ борьбу, которая можетъ потребовать героизма. Свобода героична и потому ее не любятъ и боятся. Слишкомъ часто смиреніе и послушаніе прикрываютъ собой низость характера и трусость. Свобода духовна, она есть обнаруженіе духа въ человекѣ и этимъ опредѣляется ея страшная требовательность къ человеку. Но люди рабскихъ инстинктовъ никогда не поймутъ, что такое свобода, они всегда будутъ клеветать на свободу. Въ современномъ мѣрѣ съ необычайной силой проснулись стадные инстинкты, стадо же не знаетъ свободы. Но христіанское откровеніе обращено не къ стаду, а къ человеческой личности, сознавшей свое богоподобное достоинство. Грѣхъ и есть отреченіе отъ достоинства свободы, покорность рабству.

Имѣю еще нѣсколько замѣчаній. В. Лосскій говоритъ, что богословствованіе должно быть апокатическимъ. Но именно его богословствованіе совсѣмъ не апокатическое, оно катодично въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. В. Лосскій какъ будто бы не понимаетъ, что перенесеніе на Бога и на отношенія Бога къ міру и человеку категорій, взятыхъ изъ социальныхъ отношеній людей, изъ отношеній господства и властвованія, и есть отрицаніе апокатическаго богопознанія, отрицаніе тайны божественной жизни, которая не можетъ походить на самую низменную человеческую социальную дѣйствительность. Прилагать къ Богу что либо взятое изъ жизни государства, изъ царства кесаря, и есть самое противоположное методу апокатическому. Если про Бога нельзя даже сказать, что Онъ бытіе, то тѣмъ менѣе можно сказать, что Богъ есть власть, Богъ есть монархъ и что отношеніе Бога къ человеку и міру

есть отношенія властвованія. Когда въ мірѣ нигдѣ больше не будетъ монархій, то потеряетъ всякій реальный смыслъ мышленіе о Богѣ, какъ о монархѣ. Только въ божественной любви и жертвѣ пріоткрывается правда о Богѣ, превышающая все, что было перенесено на Него изъ низкой соціальной и государственной дѣйствительности. Раскрывается *человѣчность* Бога, т. е. самое божественное, наиболѣе непохожее на *безчеловѣчность* человѣческаго міра. Именно Богъ *человѣченъ*, *человѣкъ* же до ужаса *безчеловѣченъ* и хочетъ сообщить Богу свою *безчеловѣчность*. Я очень благодаренъ В. Лосскому за его разрѣшеніе мнѣ, какъ лицу не духовному, высказывать какія угодно еретическія мнѣнія. Но я не предполагаю воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Я предполагаю воспользоваться своей свободой для того, чтобы искать и защищать Истину, хотя въ этомъ великомъ дѣлѣ отнюдь не считаю себя непогрѣшимымъ. Не могу удержаться отъ того, чтобы не сказать, какое возмущеніе вызвали во мнѣ приводимыя слова М. Сергія по поводу болѣзни о. С. Булгакова. Въ этихъ словахъ есть что-то *безчеловѣчное*, *инквизиторское*, не христіанское, не евангельское, полное отсутствіе любви и милосердія. Митр. Сергій, если онъ дѣйствительно сказалъ приводимыя слова, ставитъ субботу выше *человѣка*, т. е. защищаетъ законническую религію фарисеевъ. Но ставить субботу выше *человѣка* есть *измѣна завѣтамъ Христа*. Христіане часто бывали такими *измѣнниками*. Всякій для кого ортодоксальное ученіе выше *человѣка* и его *человѣческой судьбы* *измѣняетъ евангельскимъ завѣтамъ*. Законничество внутри христіанства есть *извращеніе христіанства*, *побѣда нехристіанскихъ началъ*. Нѣтъ ничего выше *человѣчности*, она то и божественна, она есть *заповѣдь Бога любви и жертвы*.

II. ОТВѢТЪ ПРОТОІЕРЕЮ СЕРГІЮ ЧЕТВЕРИКОВУ

Я очень цѣню критическія письма ко мнѣ о. С. Четверикова, какъ голосъ церковной духовности, который имѣетъ болѣе экзистенціальное значеніе, чѣмъ голосъ официальнаго богословствованія. Но нынѣшнее письмо оставило во мнѣ тяжелое впечатлѣніе, потому что въ формѣ вопросовъ, которые врядъ ли можно задавать въ литературной полемикѣ, меня въ сущности отлучаютъ отъ церкви при невѣрномъ пониманіи многихъ мѣстъ инкриминируемой мнѣ статьи. О. С. Четвериковъ, повидимому, совсѣмъ не понимаетъ иронической формы, къ которой я прибѣгаю во многихъ мѣстахъ моей статьи. Когда я, напр., говорю, что «лавочникамъ» и «консисторскимъ

чиновникамъ» открываются тайны православія, закрытыя для интеллигенціи, то я хочу сказать: вотъ до чего унижаютъ православіе. Это иронія. Что касается «горделиваго презрѣнья», то м. Сергій и очень многіе люди церковнаго сознанія, почитающіе себя православными по преимуществу, говорятъ съ горделивымъ презрѣніемъ объ интеллигенціи и употребляютъ слово «интеллегентъ» въ уничижительномъ смыслѣ. Это меня возмущаетъ и вызываетъ во мнѣ естественную реакцію. *) Почему о лавочникахъ нельзя говорить съ презрѣніемъ, а объ интеллигентахъ можно? Я вижу очень большую гордыню и высокомерное пренебреженіе именно въ почитающихъ себя смиренными носителями абсолютной и ортодоксальной церковной истины. Гордость смиренныхъ есть одинъ изъ соблазновъ духовной жизни. Это совсѣмъ не относится къ самому о. С. Четверикову. Но многіе мальчишки нашей эпохи усвоили себѣ это притязаніе быть носителями и провозгласителями абсолютной истины. И на этомъ основаніи употребляютъ слово «интеллигенція» въ ругательномъ смыслѣ. Ученые, ищущіе истины болѣе скромны и смиренны, менѣе самоутверждаются, чѣмъ эти «смиренные» носители ортодоксальной истины. Я не считаю себя носителемъ абсолютной ортодоксальной истины, ревнителю же ортодоксіи считаютъ себя такими. Болѣе скромно сказать — «это я говорю, это моя мысль, съ помощью которой я пытаюсь раскрывать и защищать истину», чѣмъ сказать — «это не я говорю, это черезъ меня говоритъ церковь, Св. Духъ, Богъ». Богословскія мнѣнія іерарховъ Церкви не есть Сушная Истина. Гордость іерарховъ, мнящихъ себя носителями законченной Истины, есть также человѣческая, чисто человѣческая гордость. Въ мірѣ не бывало болѣе гордыхъ людей, чѣмъ люди власти. Склоняться нужно передъ сущей Истиной, т. е. въ концѣ концовъ передъ Богомъ, но не передъ людьми, отождествляющими себя съ Истиной. Нельзя называть гордостью возмущеніе противъ неправды. О. С. Четвериковъ упрекаетъ меня, что я говорю недопустимо рѣзко о русской церкви и ея іерархахъ. Онъ противопоставляетъ мнѣ Достоевскаго. Но Достоевскій сказалъ, что «русская церковь въ параличѣ», Достоевскій написалъ «Легенду о Великомъ Инквизиторѣ», въ которой сказано самое рѣзкое и самое страшное о принципѣ авторитета въ религіозной жизни, который онъ считалъ соблазномъ антихриста. И это было совсѣмъ не только о католичествѣ, это о всякомъ авторитетѣ. О низкомъ уровнѣ русскихъ епископовъ, которые преврати-

---

*) Напомню, что въ прошломъ я много критиковалъ традиціонный типъ интеллигенціи и ее мирозерцаніе, см. мою книгу «Духовный кризисъ интеллигенціи».

лись въ государственныхъ чиновниковъ, украшенныхъ лентами и звѣздами, о паденіи христіанской духовной жизни въ официальномъ православіи, о нехристіанскомъ характерѣ всего нашего церковнаго строя, о полномъ отрицаніи соборности и мн. др. писали у насъ наиболѣе рѣзко именно вѣрующіе православные. Достаточно привести И. Аксакова, статьи котораго по церковному вопросу на церковныхъ консерваторовъ могли произвести впечатлѣніе отрицанія русскаго православія. Какъ епископы относились къ старчеству, это о. С. Четвериковъ, какъ специалистъ въ этомъ вопросѣ, знаетъ лучше меня. Высшая іерархія обыкновенно пыталась удушать духовную жизнь, и въ православіи и въ католичествѣ. Когда я писалъ, что послѣ осужденія всей русской религіозной мысли XIX и начала XX вѣка, остается «пустыня», я вкладывалъ въ это ограничительный смыслъ. Совершенно ясно, что я говорю о «пустынѣ» въ отношеніи къ богословской и религіозно-философской мысли, а не въ отношеніи религіозной жизни вообще, которая совсѣмъ вѣдь не исчерпывается мыслью и знаніемъ. Духовная жизнь возможна и безъ значительной и творческой мысли. Но въ указѣ м. Сергія рѣчь идетъ именно о богословской мысли. Наше официальное епископское богословіе дѣйствительно отличалось крайнимъ убожествомъ, въ немъ отсутствовала всякая творческая мысль, не было даже ничего специфически православнаго, это обыкновенная семинарская схоластика. Убожество этого официального богословствованія блестяще иллюстрируется критикой ученія о Софіи м. Сергіемъ и карловацкими епископами. Вопросъ о пониманіи тайны боговоплощенія и искупленія и о сотериологій о. С. Четвериковъ немного упрощаетъ. Онъ говоритъ о духовномъ опытѣ, связанномъ съ грѣхомъ и спасеніемъ, съ таинствомъ евхаристіи, но это не заключаетъ въ себѣ еще никакого богословскаго ученія и никакія богословскія ученія не покрываютъ этихъ религіозныхъ переживаній. О. С. Четверикову, конечно, извѣстно, что нѣкоторыя сотериологическія ученія, пытавшіяся осмыслить тайну искупленія, заключаютъ въ себѣ оскорбительный для Бога элементъ. Такова, напр., юридическая теорія выкупа, въ которой не безъ основанія митр. Антоній видитъ переживаніе римскихъ и феодальныхъ понятій о чести. О. С. Четвериковъ ориентированъ главнымъ образомъ на аскетической святоотеческой литературѣ, на «Добротолубіи». Но греческая патристика мыслила тайну боговоплощенія иначе, чѣмъ мыслить М. Сергій и исключительно сотериологическія ученія. Св. Аѳанасій Вел. понимаетъ тайну боговоплощенія въ томъ смыслѣ, что Богъ сталъ человѣкомъ для того, чтобы человѣкъ обожился. Вотъ это и есть не сотериологическое пониманіе. Св. Аѳанасій вкладываетъ физи-

ческой (въ античномъ пониманіи) смыслъ, т. е. онтологическій, а не моралистическій или юридическій смыслъ, т. е. видитъ въ боговоплощеніи новую стадію міротворенія. Новый Адамъ и есть новое твореніе. Можно было бы привести еще Св. Григорія Нисскаго и мн. др. Чисто сотериологическое ученіе смотритъ на явленіе Христа-Богочеловѣка инструментально и этимъ принижаетъ тайну боговоплощенія. Но официальное русское богословіе всегда было чуждо патристикѣ.

Теперь перехожу къ самому главному и самому тревожному вопросу. Я не увѣренъ, что такой вопросъ можно ставить человѣку. Вопросъ обыкновенно уже заключаетъ въ себѣ отвѣтъ вопрошающаго. Православный ли я, въ русской церкви ли я? Я иногда самъ себѣ задаю этотъ вопросъ, не потому, чтобы я внутренно сомнѣвался въ томъ, кто я и гдѣ я, — моей натурѣ чуждъ скептицизмъ, а потому, что считаю очень сомнительнымъ и спорнымъ словоупотребленіе «православный» и «русская церковь». Это совсѣмъ не такъ ясно и просто и отвѣтъ не можетъ быть односложнымъ. Если стать на формальную точку зрѣнія, то именно я въ русской церкви, а о. С. Четвериковъ не въ русской, а въ греческой церкви. Но не думаю, чтобы его интересовала эта формальная сторона вопроса, которую я считаю второстепенной. Буду говорить очень откровенно, хотя бы это было для меня очень неблагоприятнымъ. Долженъ сознаться, что я всегда гораздо болѣе дорожилъ званіемъ христіанина, чѣмъ званіемъ православнаго. Имя христіанинъ болѣе связано съ первоисточникомъ и предметомъ нашей вѣры, чѣмъ имя православный, которое носитъ формальный характеръ, вполне соответствуетъ иностранному слову ортодоксальный и можетъ быть примѣнимо и къ не христіанамъ. Можно быть ортодоксальнымъ магометаниномъ, ортодоксальнымъ евреемъ и даже ортодоксальнымъ марксистомъ, это означаетъ исповѣданіе правового вѣроученія и ничего не говоритъ о содержаніи этого вѣроученія. О. С. Четвериковъ, какъ и многіе русскіе православные люди скорѣе консервативнаго направленія, очень дорожатъ національно-исторической традиціей и органически связываетъ съ ней свою вѣру. Православіемъ оказывается сращенность христіанства съ этой національно-исторической традиціей. Въ этомъ смыслѣ православіе есть историческая индивидуализація христіанства, какъ существуютъ другія историческія индивидуализаціи христіанства. Такая индивидуализація сама по себѣ законна и можетъ быть обогащеніемъ духовной жизни человѣчества, но она часто бывала и искаженіемъ чистоты и универсальности христіанства. Индивидуальное и частное выдавалось за универсальное и всеобщее, христіанская истина нерѣдко сращалась съ языческими суевѣріями. Такъ въ Православіи Московской

Руси было много языческих элементов. Я никогда не чувствовал никакой близости къ этому типу Московскаго бытового православія съ государственной церковью, съ обрядовѣріемъ, съ «благочестивымъ» Іоанномъ Грознымъ, съ Домостроемъ, съ враждой къ мысли и знанію, съ душностью и полнымъ отсутствіемъ свободы, простора и дали. Этотъ міръ въ истокахъ своихъ связанъ съ жестокой и по моему роковой фигурой Іосифа Волоцкаго. Церковный націонализмъ былъ соблазномъ русскаго православія. Русское христіанство было выше въ Кіевскій періодъ, въ періодъ татарскаго ига и въ XIX вѣкѣ на его духовныхъ вершинахъ. Отвѣтъ на вопросъ о. С. Четверикова мнѣ труденъ потому, что я всѣмъ своимъ существомъ убѣжденъ, что христіанство постоянно искажалось въ исторіи, постоянно человѣческая традиція, связанная съ человѣческой ограниченностью и рабской приниженностью, съ человѣческими социальными интересами, часто классовыми, выдавалось за традицію священную, человѣческое выдавалось за Божье.

Я всегда чувствовалъ и сознавалъ себя во Вселенской Церкви, а не специально въ русской или византійской, и всегда уповалъ, что Вселенская Церковь будетъ наконецъ, болѣе выявлена, чѣмъ то было до сихъ поръ въ исторіи. Всегда, отъ первыхъ дней моего сознанія себя христіаниномъ и до сегодняшняго дня, я хотѣлъ творческой реформы въ Церкви, всегда вѣрилъ, что въ христіанствѣ наступитъ новая эпоха. Поэтому я никогда не былъ консервативнымъ православнымъ и никогда не обращался въ ту вѣру, которую считаютъ традиционнымъ «православіемъ». Занятіе исторіей христіанства убѣдило меня, что неизмѣнное, разъ навсегда данное, чистое «православное» церковное ученіе есть миеъ и что оно какъ разъ наименѣе чисто, т. е. наиблѣе зависитъ отъ социальныхъ вліяній, отъ историческихъ эпохъ, отъ культурнаго уровня, отъ состоянія человѣческаго сознанія. Есть вѣчная метаисторическая евангельская основа откровенія, есть вѣчный образъ Христа, есть прорывъ изъ иного міра въ этотъ міръ, благая вѣсть о царствѣ Божьемъ, есть вѣчная заповѣдь любви къ Богу и ближнему, есть таинства. Но преломленіе откровенія въ человѣческой стихіи несетъ въ себѣ печать исторической относительности, обусловлено человѣческимъ субъектомъ. Богословскія доктрины и нравоученія зависятъ отъ философскихъ теченій той или иной эпохи, отъ нравственнаго уровня людей. Христіанство въ исторіи есть динамическій процессъ, развитіе, мѣняется тотъ человѣческій элементъ, который воспринимаетъ откровеніе. Въ христіанствѣ существуетъ разныя эпохи и ставятся разныя проблемы. Въ русской религіозной мысли XIX и начала XX вѣка были даны возможности творческой реформы въ Церкви, т. е. приведенія христіанства въ соотвѣтствіе съ созна-

ніемъ челоуѣка XIX и XX вѣка. Христіанство совсѣмъ не обязательно связано съ архаическимъ челоуѣкомъ, это приняло бы христіанство. Въ русской религіозной мысли было сдѣлано усиленіе религіозно, христіански осмыслить великій опытъ гуманизма. Въ западномъ христіанствѣ эта задача не была столь насущной, потому что тамъ изначально христіанское откровеніе пало на гуманистическую почву, въ Россіи же оно пало на почву исконнаго русскаго язычества. Католики томисты нашего времени говорятъ объ интегральномъ гуманизмѣ и это считается вполне ортодоксальнымъ. У насъ же слово гуманизмъ употребляется въ отрицательномъ, почти ругательномъ смыслѣ. Не я одинъ, но и многіе изъ насъ, русскихъ христіанъ, участвовавшихъ въ духовномъ ренессансѣ начала вѣка, дорожили цѣлостной челоуѣчностью и вѣрили, что она заложена въ христіанствѣ и отъ христіанства происходитъ. Ревнителі ортодоксіи всегда старались насъ въ этомъ разубѣдить и доказывали, что дорогая намъ цѣлостная челоуѣчность связана не съ христіанствомъ, а съ нечестивымъ и безбожнымъ гуманизмомъ. Насъ старались убѣдить, что православіе совсѣмъ не утверждаетъ высшаго достоинства челоуѣка и ссылались при этомъ на аскетическую литературу. Епископъ Теофанъ Затворникъ считался самымъ авторитетнымъ духовнымъ носителемъ XIX в. и его всегда приводили, какъ примѣръ настоящаго традиціоннаго православія. Въ свое время я внимательно его читалъ и былъ пораженъ низкимъ уровнемъ его нравственнаго сознанія, посколькѣ оно обращено не къ Богу, а къ людямъ, особенно его социальной морали (имѣю въ виду главнымъ образомъ не «Путь къ спасенію», а «Начертаніе христіанскаго нравоученія»). Св. Тихонъ Задонскій, котораго я очень чту, стоитъ несоизмѣримо выше еп. Теофана Затворника въ этомъ отношеніи, но онъ несомнѣнно былъ подъ влияніемъ западнаго христіанскаго гуманизма. Я былъ духовно воспитанъ на великой русской литературѣ, на ея необычной челоуѣчности, христіанской челоуѣчности, главнымъ образомъ на Л. Толстомъ и Достоевскомъ. Въ Евангеліи я вычиталъ и воспринялъ челоуѣчность. Гуманизация личной и социальной жизни, гуманизация природы, гуманизация самихъ представленій о Богѣ есть основной процессъ жизни и его то и требуетъ отъ челоуѣка Богъ. Недопустимо, конечно, отождествленіе христіанства съ гуманизмомъ; есть ложный гуманизмъ, утверждающій самодостаточность челоуѣка, нужно челоуѣчность выводить изъ христіанскаго ученія о богочелоуѣчествѣ. Но нравственное сознаніе гуманизма въ отношеніи челоуѣческой жизни гораздо выше нравственнаго сознанія Теофана Затворника, болѣе челоуѣчно и въ этомъ ближе къ Евангелію, къ первоисточкамъ христіанства. Люди

консервативнаго ортодоксальнаго настроенія, считавшіе себя носителями православной истины, защищали крѣпостное право, деспотическое государство, войну и военщину, смертную казнь и розгу, націонализмъ, полный ненависти къ другимъ народамъ и антисемитизмъ, защищали безправіе человѣка, отрицали свободу совѣсти и мысли, отлучали отъ Церкви все человѣческое творчество, были жестоки и безпощадны къ человѣку на томъ основаніи, что онъ грѣшникъ. Естественно было предпочесть Хомякова и Вл. Соловьева, впитавшихъ въ себя человѣчность, такимъ учителямъ православія. Даже въ старчества, которое я очень цѣню, были элементы не стоящіе на высотѣ христіанской человѣчности. Такъ, напр., тревожно одобреніе старцемъ Амвросіемъ произведеній К. Леонтьева, котораго я люблю за трагизмъ его судьбы, за остроту мысли и о которомъ написалъ книгу, но взгляды котораго не могутъ быть признаны христіанскими. Я убѣжденъ, что христіанство революціонно, а не консервативно. Съ вопросомъ о человѣчности связанъ и вопросъ о вѣчныхъ адскихъ мукахъ. Объ этомъ вопросѣ я написалъ цѣлую главу въ книгѣ «О назначеніи человѣка», гдѣ пытался раскрыть сложную діалектику проблемы ада. Не такъ просто рѣшать вопросъ ссылкой на евангельскій текстъ. Евангеліе говоритъ образнымъ и символическимъ языкомъ и въ немъ божественная истина нисходитъ къ человѣческому уровню, къ языку эпохи. Въ Евангеліи употребляется выраженіе зонъ, что скорѣе означаетъ вѣкъ, чѣмъ вѣчность, можно истолковать какъ муки, продолжающіяся вѣкъ вѣковъ, т. е. длительное время. Догмата о вѣчныхъ адскихъ мукахъ не существуетъ. Меня возмущаетъ, что люди церкви, богословы съ такимъ удовлетвореніемъ приняли ученіе о вѣчныхъ адскихъ мукахъ и такъ использовали его. И это потому, что безчеловѣчность они признали неотъемлемой частью официальнаго ученія Церкви. Это и есть величайшій соблазнъ, мѣшающій людямъ вернуться въ Церковь. Еще о свободѣ и истинѣ. Я тоже думаю, что выше всего стоитъ истина, и бороться хотѣлъ бы именно за истину. Но существуетъ христіанская Истина о свободѣ. Познаніе Истины даетъ намъ свободу, такова одна сторона вопроса, но есть и другая сторона — познаніе истины требуетъ свободы, безъ свободы истина намъ не дается и не имѣетъ цѣны. Богу, именно Богу, а не человѣку, ничто не интересно и не нужно безъ свободы. Истина и свобода неразрывны и невозможно отрицать свободу во имя истины. Нѣмецкій католическій патеръ Липпертъ пишетъ о церкви: «Церковь есть гораздо болѣе, чѣмъ какая-либо видимая организація, она есть дѣйствительность, которая впервые начинается за видимымъ проявленіемъ; за видимостью папъ, епископовъ, монастырей, вѣрующихъ и храмовъ начи-

нается впервые истинная дѣйствительность. Тамъ начинается впервые церковь, гдѣ органы чувствъ прекращаются. И тогда начинается потустороннее». Такъ думалъ о Церкви и Хомяковъ. Эти слова я хотѣлъ бы повторить. И именно въ этомъ смыслѣ я считаю себя православнымъ и членомъ церкви.

Н и к о л а й   Б е р д я е в ъ